Тимур Бадмацыренов, Владимир Родионов

Буддийское возрождение и конструирование буддийского сообщества в современной Бурятии

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-62-85

Timur Badmatsyrenov, Vladimir Rodionov

Buddhist Revival and Buddhist Community Construction in Contemporary Buryatia

Timur Badmatsyrenov — Buryat State University (Ulan-Ude, Russia). batorovitch@mail.ru

Vladimir Rodionov — Buryat State University (Ulan-Ude, Russia). vladimir_198025@mail.ru

The current development of Buddhism in Buryatia is often characterized by the term "revival". The leadership of Buriat Buddhists, Pandito Khambo Lama Damba Ayusheev and his circle, played the central role in the ideological construction of this revived tradition. The activities of the "Buddhist Traditional Sangha of Russia" (BTSR) are not limited to the religious sphere and cover a variety of aspects of the socio-political and economic life of Buryatia. BTSR is often opposed by other Buddhist organizations and groups. This opposition, or competition, forces BTSR to make significant efforts to integrate the "traditional" Buddhist community. This paper identifies the basic elements of constructing the Buddhist "revival" in Buryatia through the analysis of the activities of the Buddhist leadership. The leitmotif of the revival/invention of the tradition is the claim of historical continuity and defining clear ethnic boundaries of the Buryat Buddhist community and its ability to overcome marginality within Russia and within the Buddhist community worldwide. Another element of this struggle for legitimacy is sacralization of the Buryat territory by introducing specific Buddhist markers. The most significant of such markers was the so-called "recovery of the immortal body of the Lama Itigelov."

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-01-00117 «Буддизм и национализм во Внутренней Азии».

Бадмацыренов Т., Родионов В. Буддийское возрождение и конструирование буддийского сообщества в современной Бурятии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. №1 (38). С. 62–85.

Badmatsyrenov, Timur, Rodionov, Vladimir (2020) "Buddhist Revival and Buddhist Community Construction in Contemporary Buryatia", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 38(1): 62–85.

This created a basis for supporting prestige and legitimacy of Buryat Buddhism and its claims to the status of an important Buddhist center in Russia and worldwide.

Keywords: Buddhism, Buddhist communities, Buryatia, religious revival.

Современное развитие буддизма Бурятии часто характеризуется термином «возрождение». Случай Республики Бурятии представляет собой особый интерес для социологического исследования способов, форм и направлений конструирования религиозного возрождения, поскольку в нем наблюдается пересечение различающихся социальных и идейных форм буддийских сообществ. В регионе ярко представлены общины, ориентированные на глобальную коммуникативную сеть тибетского буддизма, конвертитские группы, «традиционалистские» сообщества бурятских священнослужителей и мирян. Все эти группы обладают разным видением направлений развития буддизма Бурятии.

Однако ключевое место среди них занимает Буддийская традиционная сангха России (БТСР) во главе с XXIV Пандито Хамбо-ламой Дамбой Аюшеевым. Деятельность БТСР не ограничивается религиозной сферой, но охватывает самые разные стороны общественно-политической и экономической жизни Бурятии, часто встречаясь с противодействием иных групп, включая региональные власти, буддийские общины и другие организации. Это вынуждает прилагать значительные усилия для интеграции «традиционного» буддийского сообщества Бурятии, особенно в отношениях с верующими, государством и иными буддийскими общинами. Деятельность БТСР имеет в регионе наиболее завершенное идейное оформление, с опорой на собственные медийные ресурсы, такие как телевизионный канал «Селенга ТВ», радиостанцию «Буряад ФМ» и развитую интернет-инфраструктуру, включающую сайты и онлайн-сообщества в социальных сетях.

Цель статьи состоит в выявлении основных элементов конструирования буддийского «возрождения» Бурятии через анализ деятельности Дамбы Аюшеева. При написании этой статьи мы опирались на работы Питера Бергера и Томаса Лукмана, а также Бенедикта Андерсона. Этот подход помещает в фокус рассмотрения социальные конструкты — «системы знания», идейно-смыс-

ловые структуры, относительно которых в определенных сообществах формируется консенсус по поводу их признания в качестве «реальности». Кроме того, важно не только исследовать «эмпирическое многообразие знания», но и процессы, с помощью которых любая система «знания» становится социально признанной[1]. В призму такого рассмотрения помещаются сообщества, в рамках которых происходит воспроизводство смыслов и интерпретаций социальной реальности, а также взаимодействия между такими сообществами. Особое значение в процессе исследования с этих позиций получает идея историчности, при помощи которой происходит анализ трансформации способов конструирования социальной реальности в зависимости от исторического контекста.

Идеи Бенедикта Андерсона стали важным источником понимания буддийских сообществ как «воображаемых», то есть возникающих как социально и политически конструируемые идеи, транслирующие ценностно-нормативные образцы, интегрирующие действия людей, признающих их в качестве значимых. Андерсон рассматривает нации как «особого рода культурные артефакты» современности, возникающие из взаимодействия разных исторических сил, в результате которого формируется «воображенное политическое сообщество», члены которого не включены в непосредственные взаимодействия, но которое описывается как «глубокое, горизонтальное товарищество», имеющее конечные границы и суверенитет[2]. Нация в таком понимании выступает как новый, характерный для современного общества способ связывать воедино в целостном восприятии пространство, время и человеческую солидарность[3]. Следует отметить, что нации не являются единственно возможной формой «воображенных сообществ», им исторически предшествуют религиозные сообщества и династические государства, выступавшие как самоочевидные культурные системы и само собой разумеющиеся системы координат.

Данная статья направлена на выявление способов, при помощи которых Буддийская традиционная сангха России во главе с Пандито Хамбо-ламой Дамбой Аюшеевым воспроизводит воображаемое «воз-

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медум, 1995. С. 12.
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. С. 47–49.
3. *Баньковская С.* Воображаемые сообщества как социологический феномен // *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. С. 18.

рожденное» буддийское сообщество Бурятии. В анализе направлений конструирования буддийского возрождения Бурятии нами особо выделяется «сакральная география» как способ построения относительно целостного идейного видения пространственных и временных связей буддийского сообщества, прежде всего буддийских монастырей-дацанов и локальных (приходских) сообществ верующих.

В настоящее время в регионе сформировалось несколько буддийских сообществ, претендующих на собственное видение стратегии и содержания буддийского возрождения Бурятии. В постсоветское время буддийская сангха Бурятии активно включилась в этнополитические и этнокультурные процессы, что, с одной стороны, повлекло за собой усиление ее влияния в отдельных сферах общественной жизни региона, а с другой привело к организационному ослаблению и появлению нескольких альтернативных «проектов» развития буддизма и конкурентной борьбе между группами внутри духовенства. Кроме того, на региональные процессы оказывают влияние появление значительного числа религиозных общин буддистов-мирян в российских регионах, где буддизм прежде не был распространен. Влиятельные буддийские зарубежные центры, особое место среди которых занимают Далай-лама XIV и тибетская диаспора, обладают высоким духовным авторитетом и выступают как значимый ресурс религиозной харизмы, практически независимый от российских общин. Для групп «внеэтнических» буддистов-конвертитов в крупных городах «традиционное» буддийское духовенство Бурятии, Тувы и Калмыкии часто представляется как этнически ограниченное и не воспринимается как достаточно легитимный источник религиозного буддийского смысла и определенности[4].

Надо отметить, что религиозный ландшафт буддийских общин региона характеризуется неоднородностью. В Республике Бурятии на 1 января 2019 года зарегистрировано свыше семидесяти буддийских религиозных организаций, из которых около тридцати не состоят в централизованной религиозной организации (ЦРО) «Буддийская традиционная сангха России», а входят в состав еще семи буддийских ЦРО, включающих общины в разных российских регионах[5]. На территории региона действуют также независимые общины и отдельные священнослужители. Надо отметить

4. *Агаджанян А.С.* Буддизм в современном мире: мягкая альтернатива глобализму // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: Неостром, 2005. С. 228.

5. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях [http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx, доступ от 23.08.2019]

также, что в государственной статистике не учитываются буддийские религиозные группы, сообщества верующих мирян, возникающие вокруг монастырей, а также такое новое явление, как онлайн-сообщества в социальных медиа, обладающие выраженными особенностями, на которые не обращают внимание исследователи религиозных организаций. Современные буддийские сообщества Бурятии обладают сложной социальной структурой, складывающейся под воздействием целого ряда факторов, что позволяет относить их к нескольким типам[6]. Взаимодействие между ними и иными субъектами общественных отношений часто имеет разнонаправленный характер и приобретает черты соперничества.

Социологические исследования, проводимые в регионе, фиксируют устойчивый рост религиозности населения. Если в советский период провозглашалась победа атеистического мировоззрения, то в современной Бурятии считают себя религиозно верующими более половины респондентов. Кроме того, фиксируются этнические различия в воспроизводстве религиозности: так, буряты чаще, чем русские, относят себя к религиозно верующим (72% и 47,8% соответственно)[7].

В апреле-мае 2017 года авторами данной статьи и коллективом кафедры политологии и социологии БГУ им. Д. Банзарова было проведено социологическое исследование «Толерантность и причины проявления экстремизма в молодежной среде» в семи административных образованиях региона. В нем содержался блок, направленный на выявление особенностей религиозных представлений населения Республики Бурятии. Было 1200 респондентов. Выборка квотная. Основными параметрами выборки исследования являлись пол, возраст, тип поселения и национальность.

Как показывает исследование, около трети опрошенных респондентов отнесли себя к числу последователей буддизма. Небольшая доля опрошенных являются приверженцами одновременно буддизма и иных религий. Этническая идентичность оказывает существенное влияние на декларирование религиозности. Так, среди считающих себя последователями буддизма большая часть (85,8%) — это буряты, 9,5% — русские, а 4,6% — представители

6. *Бадмацыренов Т.Б.* Социальная структура буддийского сообщества: компоненты и их взаимодействия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 2 (41). С. 21–23.

7. Межнациональные, религиозные, этнопсихологические реалии Бурятии и вопросы гражданской активности населения / отв. ред. Ц.Б. Будаева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013. С. 29.

иных этнических групп. Самая большая доля последователей буддизма среди респондентов-бурят — 73,9%, в то время как среди представителей других этнических групп их доля составила 17,3%, а среди респондентов-русских себя считают буддистами 5,8%[8].

Репертуар религиозных практик и буддийской идентичности в регионе также характеризуется специфическими признаками, вследствие включения верующих в разные типы сообществ[9]. Как показывают результаты анкетного опроса 880 респондентов-буддистов, проведенного в 2015–2016 годах, существенные отличия характеризуют буддийских профессионалов-лам, буддистов-мирян и верующих локальных сообществ-приходов буддийских монастырей. Монастырские сообщества священнослужителей-профессионалов и их прихожане включены в процессы «восстановления» традиционного монастырского и внемонастырского культа, включая буддийские храмовые и бытовые обряды, а также ассимилированные культы «хозяев местности» и «обо». Религиозные практики «мирян» часто вариативны и связаны с медитацией и тантрой, чтением (начитыванием) мантр и священных книг. Большинство членов общин этого типа вовлечены в ритуализированные отношения ученичества с буддийскими учителями-лидерами этих сообществ.

Все это обусловило стремление Буддийской традиционной сангхи России и ее лидера к разработке единой стратегии конструирования «возрожденного» буддийского сообщества Бурятии.

Идея «возрождения» буддизма Бурятии концептуально начинает свое формирование в 1980-е гг., когда на волне широких преобразований происходит ревитализация религии. Изменения государственной политики в отношении религии и церкви, формирование нового законодательства в сфере религии и трансформация общественного сознания приводят к значительному росту числа верующих и религиозных организаций. Понятие «религиозного ренессанса» имеет несколько измерений, среди которых С.Д. Лебедев отмечает однозначно положительную оценку, сближение с «духовным возрождением», политически обусловленную коннотацию с «традиционными религиями»[10].

8. Данные этих исследований не опубликованы. Часть результатов представлена в диссертации Т.Б. Бадмацыренова «Социальная структура буддийских сообществ современной Бурятии» (защита состоялась 19.10.2018).

9. Буддизм и социорелигиозные процессы в России и Монголии / отв. ред. Т.Б. Бадмацыренов. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2016. С. 101–102.

10. *Лебедев С.Д.* Религиозный ренессанс как социальная реальность: к демифологизации понятия // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 24–26

Можно отметить значительную роль в формировании современных представлений о «возрожденном» буддизме представителей бурятской научной и художественной интеллигенции, по инициативе которых в 1990-е годы был проведен ряд научных конференций, где подверглись пересмотру многие аспекты деятельности буддийского духовенства. Если в советский период буддизм и буддийские священнослужители подвергались критике и признавались реакционным классовым явлением, то с конца 1980-х годов буддизм стал восприниматься как неотъемлемая и даже центральная часть процессов национально-культурного возрождения. К.М. Герасимова, например, считала, что ламы и хувараки «составили значительный отряд средневековой интеллигенции, которая укоренила индо-тибетскую образованность на почве этнической культуры Бурятии»[11]. В публикациях этого периода, научных и публицистических, начинают преобладать положительные оценки исторической роли буддизма в культуре, образовании, здравоохранении и других сферах жизни бурятского общества.

Хотя программа возрождения буддизма никогда не была оформлена в виде отдельного документа, но фактически представлена в публикациях священнослужителей, печатных изданиях БТСР и СМИ, в которых транслируется идея о том, что:

> Как показала история, именно институт Пандито Хамбо-лам стал хранителем духовного наследия нашей национальной культуры и самого бурятского народа. Начиная с 1990-х годов наши верующие сумели, несмотря ни на какие трудности, возродить свои дацаны. За два десятилетия мы восстановили практически все дореволюционные монастыри. Более того, по желанию верующих Сангха России возвела новые дацаны в тех местах, где никогда их не было — в городах Чита, Иркутск, Якутск. В этом уникальном процессе возрождения традиционного буддизма России, возрождения веры заключена целая история нашего народа[12].

11. *Герасимова К.М.* Об исторических формах национальной культуры бурят // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 46–47.

12. Традиционный буддизм России. К 250-летию института Пандито Хамбо-лам России. Улан-Удэ: Байкал-Гео, 2014. С. 2.

Можно сделать вывод о том, что важнейшими элементами конструирования «возрожденного» буддийского сообщества Бурятии выступают история Пандито Хамбо-лам, сакрализация пространства и связь верующих с буддийскими монастырями, что превращает БТСР в доминирующую в регионе традиционную буддийскую организацию. Эта роль получила закрепление в первоначальной редакции закона Республики Бурятии «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия»[13]. Позже эти положения были исключены или утратили силу в ходе приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным.

Как отмечает Е.А. Островская, в процессе возрождения буддизма российским буддистам предстояло найти новые формы существования в рамках современного российского общества, отличного от имперской модели, в которой исторически развивался буддизм России. Среди таких «вызовов», концептуальные ответы на которые, по ее мнению, не были найдены, она выделяет формирование эффективных способов воспроизводства социорелигиозных институтов, а именно определение легальных и признаваемых государством, обществом и верующими источников финансирования монастырей и религиозных образовательных центров, способов пополнения численности монашества, активизацию миссионерской деятельности и преодоление пережитков этнизации[14]. Она отмечает противоречивость буддийской религиозной идентичности, отразившуюся в стремлении сохранить собственную этноконфессиональную специфику и вместе с тем влиться в глобальную коммуникативную сеть тибетского буддизма, что обусловило как конфликтность этого процесса, так и многообразие его оценок.

В ряде работ «буддийское возрождение» Бурятии рассматривается как часть более широкого процесса бурятского национально-культурного возрождения. В этом контексте основное внимание обращается на связь этнических и религиозных конструктов в процессе воспроизводства буддийских идей. Дарима Амоголонова в качестве характерных черт современных социокультурных процессов выделяет десекуляризацию общественного сознания и подчинение религиозных идей и практик главенствующей

13. Первоначальную редакцию см.: Закон РБ от 23.12.1997 N 610-I «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия»// «Бурятия». № 8. 16.01.1998.

14. *Островская Е.* Российский буддизм в оправе гражданского общества // Двадцать лет религиозной свободы в России / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 305

идее определения национального пространства посредством придания религиозному компоненту культуры символических и сакральных смыслов[15].

Действительно, в процессе построения возрождаемого буддийского сообщества в идеях, транслируемых БТСР и Пандито Хамбо-ламой Д. Аюшеевым, ясно прослеживается связь этнического, политического и религиозного измерений бурятского народа и стремление выстроить его этнокультурные и конфессиональные границы.

Пандито Хамбо-лама и возрождение буддизма Бурятии

В современном варианте социально-политическая система БТСР оформилась в постсоветский период как результат деятельности XXIV Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева.

Ключевым направлением деятельности Дамбы Аюшеева и БТСР стало построение стратегии взаимодействия с государством, встраивание в систему государственно-конфессиональных отношений. Сложности в отношениях с региональными элитами, а также тенденция, связанная с усилением центральной власти в субъектах Российской Федерации, во многом обусловили стремление к поиску прямых контактов с ключевыми акторами федерального уровня, включая Президента России. В рамках современной системы государственно-конфессиональных отношений, конструируемой федеральным центром, в которой основное внимание и поддержка оказывались традиционным конфессиям — православию, исламу, иудаизму и буддизму — Пандито Хамбо-ламе удалось получить поддержку представителей федеральных элит. Вместе с тем, можно согласиться с Иваном Саблиным, что «Буддийская традиционная сангха не получила официального признания в качестве представительства всех российских буддистов»[16]. Более того, она встречает сопротивление и со стороны региональных буддийских сообществ, не входящих в ее состав.

Идейным инструментом продвижения БТСР в контексте отношений с федеральным центром стала государственно-патриотическая риторика, в которой проводится связь между высшей

15. *Амоголонова Д.Д.* Буддизм в контексте десекуляризации общественного сознания (на материалах современной Бурятии) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4. С. 14.

16. Sablin, I. (2018) “Official Buddhism in Russia’s Politics and Education Religion, Indigeneity, and Patriotism in Buryatia”, *Entangled Religion* 5: 214

государственной властью и буддийской общиной Бурятии, возглавляемой Пандито Хамбо-ламами. Интересно, что Буддийская традиционная сангха переносит восприятие российских самодержцев как воплощения Белой Тары на современных глав Российской Федерации — президентов В.В. Путина и Д.А. Медведева: «Когда меня спрашивают, почему я не иду против нашего главы, я говорю: “Я не могу идти, потому что он является для меня Белой Тарой, я не могу пойти против своей богини”»[17]. Исторические параллели такой лояльности обусловлены тем, что в условиях признания приоритета православия и доминирования русской культуры прославление царской фамилии народами России как бы уравнивало их в качестве равноправных подданных и патриотов империи[18]. В условиях современной России руководство БТСР использует эти практики для расширения своих возможностей во взаимодействии с федеральной властью.

Вместе с тем, противоречивые отношения буддийской сангхи и империи «неминуемо порождали как стремление доказывать лояльность, так и понимание своей чуждости православному государству, а потому не могли не препятствовать формированию ощущению общероссийской идентичности бурят[19]». Подобная противоречивость проявляется также и в том, что Хамбо-лама Д. Аюшеев претендует на представление не только БТСР как религиозной организации, но и бурятского этноса в целом, подчеркивая свою преемственность по отношению к своим историческим предшественникам на этой должности, что может служить основанием для противоречий с государственной/общероссийской и небуддийской идентичностью.

> Главным источником обширнейших знаний и могущественной силы для преданных своему народу Пандито Хамбо-лам служили родные просторы Бурятии! А сами они служили и служат высшей государственной власти — императорам Российской империи в прошлом и ныне — Президентам Российской Федерации. Через тыся-

17. Так говорит Хамбо-лама. // «Русский репортер» №18–19 (297) [http://expert.ru/russian_reporter/2013/19/tak-govorit-hambo-lama/, доступ от 12.03.2019]

18. *Трепавлов В.В.* Русский царь в нехристианских культах Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 231.

19. *Амоголонова Д., Содномпилова М.* Религия и идентичность в Бурятии: конкуренция православия и буддизма в позднеимперский период (на материалах санкт-петербургских архивов) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 241–263.

> чи верст они достигали столицы Санкт-Петербурга, обители царей, воплощений Белой Тары. Великие государи и государыни России высочайше утверждали Возвышенных лам в высоком титуле Пандито Хамбо-лам[20].

Как считает Павел Варнавский: «В своей политической деятельности лидеры БТСР позиционируют себя в роли верных сторонников федеральной власти и государственников, а взамен Хамбо-лама рассчитывает на ресурсы федеральной власти и государственников в деле сохранения контроля Сангхи над своей паствой»[21]. При этом российская государственно-патриотическая идентичность для него более значима, нежели конфессиональная. Весьма показательно высказывание в интервью федеральному изданию «Русский репортер»:

> И когда мне люди говорят: «Кого ты больше любишь, Далай-ламу или президента?» — я говорю: «Слушайте, дорогие товарищи, кто меня кормит-то, кто моим старикам деньги дает — иностранный большой лама или президент страны?»[22].

Дамба Аюшеев выступает в качестве одного из центральных персонажей публичного регионального политического процесса. В своих выступлениях, интервью и публичных заявлениях он фактически выдвигает альтернативную неформальную программу бурятского национально-культурного возрождения, выступает в роли его идеолога[23]. Актуальность и злободневность этнополитического компонента обусловили значимость разных направлений деятельности Пандито Хамбо-ламы не только как духовного религиозного лидера, но и как публичного политика. Причем несмотря на то, что по многим актуальным вопросам публично-политической региональной повестки он активно выступает как значимый лидер общественного мнения, в таких болезненно-резонансных проблемах как, например, процесс «укрупнения»

20. *Махачкеев А.В.* 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. Улан-Удэ: НоваПринт, 2014. С. 5.
21. Церковь — общество — власть: религиозные процессы и практики в современной Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. С. 66.
22. Так говорит Хамбо-лама [http://expert.ru/russian_reporter/2013/19/tak-govorit-hambo-lama/, доступ от 12.03.2019]
23. *Махачкеев А.* Портрет иерарха. XXIV Пандито Хамбо-лама Д. Аюшеев. Улан-Удэ: НоваПринт, 2012. С. 183.

Агинского и Усть-Ордынского автономных округов[24] или противоречия по поводу приглашения в Россию Далай-Ламы, его позиция весьма сдержанна.

В 2016 году нами был проведен экспертный опрос, по результатам которого был построен рейтинг влияния публичных политиков Бурятии. В нем Д. Аюшеев занял вторую позицию после В.В. Наговицына, в то время главы Республики Бурятии. Его влияние, по оценкам экспертов, особенно высоко среди политиков-бурят, хотя не ограничено только ими. Он транслирует собственные оценки по ключевым в его понимании вопросам государственного управления и политического процесса, ограничиваясь в критике уровнем региональных и местных властей: «Будь у меня право назначать глав районов, у меня половина этих глав не прошли бы — я на вшивость бы их проверил»[25]. Он неоднократно публично заявлял: «Сегодня я работаю и министром образования, и министром сельского хозяйства, и министром спорта»[26]. Основанием таких заявлений являются социальные проекты БТСР по сохранению и развитию бурятского языка, национальных видов спорта и разведению аборигенных пород скота.

Основным ресурсом расширения влияния Д. Аюшеева стал контроль над Буддийской традиционной сангхой России как крупной негосударственной религиозной организацией, способной осуществлять функции представительства буддистов в государственно-конфессиональном партнерстве.

В данном контексте большое значение придается усилению значения самого института Пандито Хамбо-лам, постоянно подчеркивается длительность его исторической традиции и преемственность независимого от иных центров тибетской школы гелук. Если прежде Пандито Хамбо-ламы воспринимались как избираемые должностные лица, в силу учености, родства, организаторских и управленческих качествам, то в настоящее время предпринимаются попытки связать их деятельность с буддийски-

24. Речь идет о процессе административного объединения Усть-Ордынского и Агинского Бурятских автономных округов с Иркутской и Читинской областями соответственно, вызвавшем оживленную общественно-политическую дискуссию в Республике Бурятии и этих регионах.

25. Так говорит Хамбо-лама [http://expert.ru/russian_reporter/2013/19/tak-govorit-hambo-lama/, доступ от 12.03.2019]

26. *Дагбаев Э.Д.* Буддизм и политическая ситуация в регионе // Общество, буддизм и социально-политические процессы в России и Монголии. Улан-Удэ, Издательство Бурятского госуниверситета, 2017. С. 199.

ми практиками *тулку*, созданием новых культовых практик, мест поклонения и паломничества, связанных с деятельностью Пандито Хамбо-лам прошлого.

История занимает особое место в транслируемых Дамбой Аюшеевым идеях. Он пересобирает «буддийскую» историю Бурятии с целью повысить легитимность БТСР: «Буряты получили буддизм от Дамба-Даржа Заяева, а он, в свою очередь, получил его в первом своем рождении от Будды Кашьяпы, а во втором — от Будды Шакъямуни! Запомните это»[27]. Даже титул Пандито Хамбо-лама, исторически возникший в результате взаимодействий российских имперских властей и бурятской сангхи, объясняется через циклы перерождений его первого носителя, Дамба-Даржа Заяева, который «в своем третьем перерождении в Индии получил звание Пандито Хамбо-лама и тем самым этот титул связан с родиной буддизма — Индией»[28]. Им высказываются идеи о восприятии бурятами буддизма напрямую из Индии, что должно доказать особый статус бурятской общины[29].

Конструирование сакрального пространства Бурятии

Республика Бурятия в средствах массовой информации позиционируется как центр традиционного российского буддизма, что отражает интересы не только БТСР, но и региональных политических элит, позволяя им проводить политику по выстраиванию «бренда региона». БТСР и Пандито Хамбо-лама также транслируют идею о «большой» этнической Бурятии и своей ответственности за нее: «Если мой народ хорошо живет — значит, здесь, от Иркутской до Амурской области, спокойствие и мир. Вот за это я отвечаю»[30]. Налицо стремление расширить свое влияние на регионы «этнической» Бурятии, включая и Иркутскую область, и Забайкальский край. БТСР конструирует свое видение территории «большой» этнической Бурятии, не совпадаю-

27. Хамбо-лама Дамба Аюшев: Мы поддерживаем наших братьев — тибетских буддистов // МК в Бурятии. 26.03.2008.

28. Нейтральная территория: в гостях у Хамбо-ламы [https://www.youtube.com/watch?v=XzjBRkkLdqI, доступ от 12.03.2019].

29. Хамбо-лама Дамба Аюшев: Мы поддерживаем наших братьев — тибетских буддистов.// МК в Бурятии. 26.03.2008.

30. Так говорит Хамбо-лама [http://expert.ru/russian_reporter/2013/19/tak-govorit-hambo-lama/ доступ от 12.03.2019].

щее с административно-территориальными границами регионов и муниципальных образований, а интегрированной как буддийское сообщество.

> Под покровительством великих Пандито Хамбо-лам объединился в единое целое наш народ, ранее разделенный между Селенгинской, Хоринской, Агинской и Аларской Степными Думами. Две губернии и две тысячи километров территории по обе стороны Байкала разделяли бурятские рода, пока Хамбо-ламы не собрали их воедино. Сорок семь дацанов Восточной Сибири и Забайкалья встали под руку высоких лам, и буряты стали единственным народом, которых объединил буддизм![31]

В одном из важнейших проектов, которому придается большое значение в создании буддийского сообщества БТСР, — *Эрын Гурбан Наадан* («Три игры мужей») — спортивном празднике, включающем борьбу *бухэ барилдаан*, скачки и стрельбу из лука, команды представляют не административные образования, поселения и районы, а дацаны, которые и формируют команды.

В 2014 году в рамках празднования 250-летия института глав буддистов Восточной Сибири и Забайкалья — Пандито Хамбо-лам России — был проведен цикл юбилейных мероприятий и издан ряд изданий, посвященных истории традиционного буддизма России, института Пандито Хамбо-лам и дацанов. В этот юбилейный комплект был включен также и альбом «Сакральные места Восточной Сибири», о котором Пандито Хамбо-лама Д. Аюшеев в обращении к читателям отметил:

> Наш альбом «Сакральные места Восточной Сибири» уникален тем, что впервые в одном издании собраны материалы о важнейших для верующих буддистов местах поклонения, местах духовной силы на территории великого пространства всей этнической Бурятии. На нашей земле пребывают Будды, Дхьяни Будды, Бодхисаттвы, Идамы, другие совершенные существа духовного мира и высокореализованные личности, проявляя к нам свое сострадание, дарują благословение, помощь и могущественную защиту[32].

31. *Махачкеев А.В.* 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. С. 6.

32. Сакральные места Восточной Сибири. К 250-летию института Пандито Хамбо-лам России. Улан-Удэ: Байкал-Гео, 2014. С. 2.

В течение последних двадцати лет выявляются «святыни», связанные с историческими монастырями и бурятскими буддийскими деятелями, а также «чудесные» явления, такие как самопроявившиеся изображения богини Янжимы, мантр Авалокитешвары. Этот процесс начался в конце 1990-х годов, когда, после событий вокруг Атласа тибетской медицины[33], возникла потребность легитимации притязаний БТСР на культовые объекты, находящиеся в государственной собственности, и на особый статус в регионе, поскольку в конфликте региональными элитами были задействованы другие буддийские общины, оспаривающие лидерство БТСР. В апреле 2003 года был проведен очередной Сугунды (съезд) БТСР, на котором было принято решение об утверждении в качестве буддийских святынь России статуи Зандан Жуу, Атласа тибетской медицины и Драгоценного тела Хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова.

Остановимся на последнем примере. В 2002 году было обнаружено захоронение тела Даши-Доржо Итигэлова (Этигелова), занимавшего пост Пандито Хамбо-ламы в 1911–1917 гг. Его тело было эксгумировано и объявлено нетленным. Вокруг него весьма быстро была создана особая сакральная инфраструктура, включающая ритуальные, паломнические и медийные практики.

> По легенде, 15 июня 1927 года XII Пандито Хамбо-лама Даша-Доржо Итигэлов сел в позу лотоса и собрал учеников. Он дал им последние наставления: «Вы навестите и посмотрите мое тело через 30 лет». Затем попросил их читать ради него «hуга Намши» — специальную молитву-благопожелание для умершего.
>
> Ученики не осмелились произнести ее в присутствии живого учителя. Тогда Хамбо-лама начал сам читать эту молитву; постепенно и ученики подхватили ее. Так, находясь в состоянии медита-

33. В мае 1998 года было принято решение об экспонировании Атласа тибетской медицины, хранившегося в фондах Музея истории Бурятии. С резкой критикой этого решения выступил Пандито Хамбо-лама Дамба Аюшеев, выразивший опасение, что этот уникальный памятник может не вернуться назад. Кроме того, он потребовал передать его в собственность БТСР, поскольку он был приобретен на средства буддистов и представляет для них священную реликвию. После этого Президент РБ Л.В. Потапов приостановил решение о вывозе Атласа до получения гарантий США, которые были предоставлены 30 апреля 1998 года. В ответ ламы и миряне в попытках заблокировать вывоз экспоната устроили пикет музейных хранилищ, который был разогнан ОМОНом с применением спецсредств. Эти события стали одним из ключевых этапов в развитии конфликта в отношениях БТСР и региональных властей.

> ции, XII Пандито Хамбо-лама Даши-Доржо Итигэлов якобы ушел в нирвану.
>
> Он был похоронен в кедровом кубе в том же положении (в позе лотоса), в котором находился в момент ухода[34].

Это событие получило освещение в мировых СМИ и послужило демонстрацией высокого уровня, достигнутого бурятским буддизмом. Как считает Д.-Д. Амоголонова: «Исключительность чуда Итигэлова вдохнула в бурятскую национальную идею новую жизнь, поскольку это чудо подтверждает нерядовую роль бурятского сообщества в России»[35]. «Нетленное тело Д.-Д. Итигэлова» позиционируется как зримое доказательство того, что Бурятия является самодостаточным буддийским регионом, способным выступать одним из мировых центров буддизма.

> Мы же привыкли себя кем считать? Третьесортными. У нас как говорят? Тибетский лама — это драгоценность, монгольский лама — это умница, а бурятский лама — это недоразумение. Вот 80% наших интеллигентов так говорят. Уважаемые мои сородичи, научитесь себя уважать и научитесь гордиться собою. Находясь около Хамболамы Итигелова, будьте достойными его. Вообще, я хочу сказать, чтобы каждый народ себя считал достойным, каждый народ уважал свои ценности и имел опору в себе[36].

Культ Итигэлова отражает стремление БТСР к формированию автономной, прежде всего от региональных властей, сферы, в которую входят религиозно-церковные, политические, социально-экономические и культурные проекты. Для Д. Аюшеева контроль над доступом к телу Д.-Д. Итигэлова выступает в качестве средства выстраивания взаимодействия с политиками и общественными деятелями разного уровня, паломниками и иностранными гостями. Он его неоднократно использовал, разрешая или нет кому-либо из политиков посещение Дворца Д.-Д. Итигэлова.

Создание таких новых культов обеспечивает БТСР монополию на «символический капитал» священных объектов. Они служат

34. Итигэлов Даши-Доржо [http://sangharussia.ru/faces-of-buryatia/itigelov-dashi-dorzho, доступ от 15.03.2018].

35. *Амоголонова Д.Д.* Возвращение Хамбо-ламы Итигэлова и новая концепция возрождения Бурятии // Вестник Бурятского госуниверситета. 2012. № 7. С. 66.

36. Так говорит Хамбо-лама [http://expert.ru/russian_reporter/2013/19/tak-govorit-hambo-lama/ доступ от 12.03.2019].

источником религиозной харизмы для носителей буддийских статусов, прежде всего Пандито Хамбо-ламы и настоятелей дацанов. В таких объектах заинтересованы также локальные группы в районах республики, включающие руководителей органов местного самоуправления и буддийских активистов. Контролируя священные объекты, БТСР создает основу для расширения своего политического и культурного влияния в Бурятии и за ее пределами.

Буддийская традиционная сангха России и ее руководство инициируют создание новых культов и сакральных объектов в разных частях Бурятии. Такая сакральная география занимает особое место в конструировании буддийского сообщества, поскольку «внешние пределы старых религиозных сообществ в некотором смысле определялись тем, какие паломничества совершали люди»[37]. Иными словами, сакральная география есть зримое свидетельство реальности «воображаемых» сообществ, один из примеров которых мы рассматриваем в этой статье.

Дацаны и территориальные приходские сообщества

Следующим важным элементом построения сообщества БТСР выступает система отношений дацан-приход. Традиционные монастырские сообщества ориентированы на воспроизводство территориально-приходской системы. В отличие от монастырей Тибета и Монголии, ресурсной базой дацанов Бурятии «был приход — территория этнических групп — основателей своего родового дацана»[38]. Приход бурятских дацанов — «это территория и состав того населения, которое по общественному приговору основало свой «родовой» дацан, содержит его духовенство и удовлетворяет в нем свои религиозные потребности»[39]. «Приход» являлся основным компонентом созданного имперскими губернскими властями религиозного административно-политического деления бурятского буддийского населения Забайкалья. В настоящее время на ревитализацию приходской системы дацанов БТСР направляет значительные усилия.

37. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. С. 115.

38. *Жамсуева Д.С.* Правовой статус буддийской конфессии бурят в системе российской государственности // Власть. 2008. № 11. С. 65.

39. *Галданова Г.Р., Герасимова К.М., Дашиев Д.Б. и др.* Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983. С. 34.

Воспроизводство традиционных буддийских институтов, организация в профессиональные сообщества и храмовая обрядность выступают основными институциональными каналами религиозной практики прихожан[40]. Буддийские священнослужители формируют нормативный стандарт этих практик: ими издаются различные пособия, в которых «описываются нормы поведения в дацанах, раскрывается значение служб-хуралов и храмовых ритуалов, объясняется смысл буддийских практик»[41]. На нескольких региональных теле- и радиоканалах существуют буддийские религиозно-просветительские программы. БТСР инициировал создание телеканала «Селенга», радиостанции «Буряад ФМ», нескольких циклов передач и телефильмов. В Улан-Удэ ламы проводят лекции, встречи и обсуждения буддийской философии и практики, на которых даются рекомендации верующим. Хотя в сельских дацанах такие мероприятия проводятся значительно реже, есть очевидная тенденция к их закреплению во всех территориальных приходских сообществах.

Восстановление дацанов и их связей с приходами является одним из ключевых компонентов буддийского «возрождения» Бурятии. Как правило, они возводятся на месте исторических монастырей, разрушенных в советское время. Приход каждого дацана чаще всего включает несколько сельских поселений, население которых выступает не только материально-ресурсной базой, но и основой для рекрутирования новых профессиональных священнослужителей. Важной частью восстановления приходской системы стало не только выполнение ритуальных запросов населения, но и построение взаимовыгодных отношений с местной властью, образовательными учреждениями и общественными организациями, для которой дацаны стали важной частью инфраструктуры гражданского общества и участниками всех значимых локальных общественных событий. Основную роль в этих процессах монастырей играют настоятели дацанов, которые, опираясь на священнослужителей и актив верующих, регулируют наиболее важные аспекты религиозной жизни дацанов и прихожан.

Идеологически связь монастыря и прихода выражается в культе «хозяев местности» и *обо*. Культ хозяев местности является одной из наиболее востребованных религиозных прак-

40. Буддизм и социорелигиозные процессы в России и Монголии. С. 94.

41. Основы вероучения. В помощь каждому, кто хочет знать о буддизме. Улан-Удэ: Буддийская традиционная сангха России, 2007. С. 3.

тик и представляет собой «формы сакрализации связей человека с территорией его обитания, дошедшие до нашего времени в культе лабцзе, лха-то или монголо-бурятском обо»[42]. *Обо* представляет собой культовое место, на котором ежегодно летом происходит ритуальное подношение духам-хозяевам местности, в качестве которых выступают «давние предки, родословные связи с которыми приобретали мифический характер»[43]. Этот культ возник в результате буддизации местных добуддийских территориально-родовых верований. В приходе каждого дацана насчитывается разное число *обо*, но, как правило, существует общее «главное», на котором собираются верующие всего прихода. Сейчас дацаны проводят кропотливую работу по возрождению/формированию *обо*, восстанавливают их локации и тексты обрядников и конструируют сеть *обо* в глобальном, региональном и локальном, вокруг монастырей, масштабе. Ламы придают этому весьма большое значение, поскольку для них *обо* является одним из основных способов построения ритуализированной практической связи с местными территориально-поселенческими сообществами и семейно-родовыми группами.

Приход не ограничивается территорией, а включает систему родственных и земляческих связей, так что потомки прихожан какого-либо дацана, проживающие в других населенных пунктах, также часто считаются его прихожанами. Ежегодно в начале лета верующие приезжают специально для участия в *обо* из других населенных пунктов и регионов, следуя традиции и/или совету земляков и родственников. Рекомендации посетить *обо* дают ламы в начале года при составлении *зурхай* (монгольского астрологического прогноза), как правило, они советуют посещать их по отцовской линии. Примечательно, что даже в тех случаях, когда несколько поколений семьи проживают в городе, ламы стараются выяснить «конечную» приходскую «принадлежность» и именно туда направляют для ритуала подношений «хозяевам местности».

В своих социальных проектах, целью которых декларируется возрождение бурятских традиций, языка и культуры, БТСР опирается на сеть дацанов и их приходов. Одним из наиболее известных проектов БТСР стала «Социальная отара», возникшая в 2012

42. *Герасимова К.М.* Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. С. 186.

43. Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы. С. 119.

году. В его реализации Пандито Хамбо-лама связывает благосостояние сельских бурятских жителей с традиционным хозяйством и сохранением бурятского этноса.

> Моя задача — раздавать людям этих баранов. Если мы доведем их число до миллиона, тогда мы будем хорошо жить. Вот молодая семья создалась — отдаем им сразу 130 баранов. Но через пять лет эти молодожены должны что? Селу поставить 50 голов[44].

«Проект “Социальная отара”» реализуется согласно социальной программе помощи жителям сел, разработанной лично главой БТСР. Впервые идея передачи социальных ягнят возникла в 2009 году. В 2012 году первые отары овец были переданы нуждающимся селам»[45].

> Из десяти тысяч овец, полученных от Владимира Владимировича Путина, мы раздали пять тысяч приплода. Таким образом, в течение 3–4 лет мы эти десять тысяч овец, которые получили от Владимира Владимировича Путина, раздадим народу[46].

В этом проекте Пандито Хамбо-лама сам определяет порядок распределения, и при этом сельские поселения, а также отдельные фермеры получают реальные средства от Буддийской традиционной сангхи. В условиях кризиса сельского хозяйства, низкого уровня жизни, доходов и занятости сельского населения, этот проект позиционируется как один из немногих экономически эффективных. Важно подчеркнуть, что, несмотря на некоторое противодействие со стороны властей Бурятии, Д. Аюшеев смог наладить взаимодействие с органами местной власти в трех регионах — Республике Бурятии, Забайкальском крае и Иркутской области. Как пишет Александр Махачкеев: «Главная цель проекта — это возрождение традиционного скотоводства у бурят и закрепление их на селе. Но вот беда, после распада СССР никак не может прийти в себя сельское хозяйство. Население, оставшееся без работы, денег и перспектив, массово переселяется в города.

44. Так говорит Хамбо-лама [http://expert.ru/russian_reporter/2013/19/tak-govorit-hambo-lama/, доступ от 12.03.2019].
45. Социальная отара Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева появилась в Еравне и Кижинге [http://asiarussia.ru/news/1358/, доступ от 12.03.2019].
46. Вести Интервью. Хамбо Лама Дамба Аюшеев. Эфир от 27.02.2017. [https://www.youtube.com/watch?v=6wAFKYxUMF0, доступ от 12.03.2019].

Дацаны остались без прихожан, и Хамбо-лама понял, что “голодный бурят не думает о Будде”»[47]. Традиционное овцеводство видится едва ли не единственной возможной отправной точкой развития экономики сельских территорий.

> «В каждом селе должна быть специализация: кузнец, кожемяки, производители сыров и иных молочных продуктов. Сейчас же все необходимое закупается за границей. Если же производилось бы все здесь, то человек бы видел, что здесь все производится и никуда бы не уехал»[48].

Интересно, что в этом и подобных проектах, связанных с распределением экономических ресурсов, БТСР становится в некотором смысле «альтернативой» государству, предлагая свои проекты развития общества, культуры и экономики и подвергая при этом подчас острой критике региональные и местные органы власти.

Приведенный нами анализ демонстрирует стратегии формирования «воображаемого сообщества» и «возрождения» буддизма Бурятии, реализуемые Буддийской традиционной сангхой России и ее главой XXIV Пандито Хамбо-ламой Дамбой Аюшеевым. Лейтмотивом возрождения/изобретения стало конструирование «сакральной географии» и особой солидарности, выстраивающей пространственные и временные связи буддийских монастырей-дацанов и локальных (приходских) сообществ верующих на основе исторической преемственности и отстаивания этнических границ бурятского буддийского сообщества, его состоятельности и преодоления маргинальности в России и буддийском мире. Разумеется, современные структуры буддийского сообщества Бурятии существенно отличаются от сложившихся к началу XX века, что обусловлено фундаментальными общественными преобразованиями, произошедшими в течение столетия, и усилия БТСР направлены на преодоление этого «разрыва» через декларацию «традиционности» и создание буддийской истории Бурятии, независимой от других центров тибетского буддизма.

47. Хамбо-лама: «Голодный бурят не думает о Будде» [http://asiarussia.ru/news/16132/, доступ от 12.03.2019].

48. Вести Интервью. Хамбо-Лама Дамба Аюшеев. Эфир от 27.02.2017. [https://www.youtube.com/watch?v=6wAFKYxUMF0, доступ от 12.03.2019].

Библиография / References

Агаджанян А.С. Буддизм в современном мире: мягкая альтернатива глобализму // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: Неостром, 2005. С. 222–255.

Амоголонова Д.Д. Возвращение Хамбо-ламы Итигэлова и новая концепция возрождения Бурятии // Вестник Бурятского госуниверситета. 2012. № 7. С. 65–70.

Амоголонова Д.Д. Буддизм в контексте десекуляризации общественного сознания (на материалах современной Бурятии) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4. С. 14–20.

Амоголонова Д., Содномпилова М. Религия и идентичность в Бурятии: конкуренция православия и буддизма в позднеимперский период (на материалах санкт-петербургских архивов) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 241–263.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.

Бадмацыренов Т.Б. Социальная структура буддийского сообщества: компоненты и их взаимодействия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 2 (41). С. 18–28.

Баньковская С. Воображаемые сообщества как социологический феномен. // Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медум, 1995.

Буддизм и социорелигиозные процессы в России и Монголии / отв. ред. Т.Б. Бадмацыренов. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2016.

Герасимова К.М. Об исторических формах национальной культуры бурят. // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 46–47.

Герасимова К.М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989.

Дагбаев Э.Д. Буддизм и политическая ситуация в регионе. // Общество, буддизм и социально-политические процессы в России и Монголии. Улан-Удэ, Издательство Бурятского госуниверситета, 2017. С. 197–204.

Жамсуева Д.С. Правовой статус буддийской конфессии бурят в системе российской государственности // Власть. 2008. № 11. С. 63–65.

Галданова Г.Р., Герасимова К.М., Дашиев Д.Б. и др. Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983.

Лебедев С.Д. Религиозный ренессанс как социальная реальность: к демифологизации понятия // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 24–36

Махачкеев А.В. 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. Улан-Удэ: НоваПринт, 2014.

Махачкеев А. Портрет иерарха. XXIV Пандито Хамбо-лама Д. Аюшеев. Улан-Удэ: НоваПринт, 2012.

Межнациональные, религиозные, этнопсихологические реалии Бурятии и вопросы гражданской активности населения / отв. ред. Ц.Б. Будаева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013.

Основы вероучения. В помощь каждому, кто хочет знать о буддизме. Улан-Удэ: Буддийская традиционная сангха России, 2007.

Островская Е. Российский буддизм в оправе гражданского общества // Двадцать лет религиозной свободы в России / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 294–329.

Сакральные места Восточной Сибири. К 250-летию института Пандито Хамбо-лам России. Улан-Удэ: Байкал-Гео, 2014.

Традиционный буддизм России. К 250-летию института Пандито Хамбо-лам России. Улан-Удэ: Байкал-Гео, 2014.

Трепавлов В. Русский царь в нехристианских культах Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. 2. С. 222–240.

Церковь — общество — власть: религиозные процессы и практики в современной Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016.

Agadjanian, A.S. (2005) "Buddizm v sovremennom mire: miagkaia al'ternativa globalizmu" [Buddhism in the modern world: a soft alternative to globalism], in A. Malashenko, S. Filatov (eds) *Religiia i globalizatsiia na prostorakh Yevrazii,* pp. 222–255. M.: Neostrom.

Amogolonova, D.D. (2012) "Vozvrashchenie Khambo-lamy Itigelova i novaia novai kontseptsiia vozrozhdeniia Buriatii" [Hambo lama Itigelov's return and a new concept of revival of Buryatia], *Vestnik Buriatskogo gosuniversiteta* 7: 65–70.

Amogolonova, D.D. (2013) "Buddizm v kontekste desekuliiaarizatssii obshchestvennogo soznaniiaa (na materialakh sovremennoi Buriaatii)" [Buddhism in context of desecularization of social consciousness (on the materials of contemporary Buryatia)], *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* 4: 14–20.

Amogolonova D., Sodnompilova M. (2017) "Religiia i identichnost' v Buriatii: konkurentsiia pravoslaviia i buddizma v pozdneimperskii period (na materialakh sankt-peterburgskikh arkhivov)" [Religion and Identity in Buryatia: Competition between Orthodoxy and Buddhism in Late Imperial Russia (on Materials from St. Petersburg Archives)], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 2: 241–263

Amogolonova, D.D., Sodnompilova M.M., Batomukuev S. D. et al. (2016) *Tserkov' — obshchestvo — vlast': religioznye protsessy i praktiki v sovremennoi Buriatii* [Church — society — power: religious processes and practices in contemporary Buryatia]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN.

Anderson, B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniia ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. M.: Kuchkovo pole.

Badmatsyrenov, T.B. (2017) "Sotsial′naia struktura buddiiskogo soobshchestva: komponenty i ikh vzaimodeistviia" [Social structure of buddhist community: elements and their collaboration], *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia* 2 (41): 18–28.

Ban′kovskaiia, S. (2016) "Voobrazhaemye soobshchestva kak sotsiologicheskii fenomen" [Imagined Communities as a historical phenomenon], in Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniia ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma.* M.: Kuchkovo pole.

Berger P., Lukman T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia* [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge]. M.: Medum.

Badmatsyrenov, T.B. (ed.) (2016) *Buddizm i sotsioreligioznye protsessy v Rossii i Mongolii* [Buddhism and socioreligious processes in Russia and Mongolia]. Ulan-Ude: Izdatel′stvo Buriatskogo gosuniversiteta.

Garri, I.R. (ed.) (2014) *Buddizm v istorii i kul'ture buriat* [Buddhism in History and Culture of the Buryats]. Ulan-Ude: Buriaad-Mongol Nom.

Gerasimova, K.M. (1995) "Ob istoricheskikh formakh natsional′noi kul′tury buriat" [On the historical forms of the national culture of the Buryats], in *Natsional'naia intelligentsiia, dukhovenstvo i problemy sotsial'nogo, natsional'nogo vozrozhdeniia narodov Respubliki Buriatiia*, pp. 46–47. Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN

Gerasimova, K.M. (1989) *Traditsionnye verovaniia tibettsev v kul'tovoi sisteme lamaizma* [Traditional beliefs of the Tibetans in the cult system of Lamaism]. Novosibirsk: Nauka. Sib.otd-nie.

Dagbaev, E.D. (2017) "Buddizm i politicheskaia situatsiia v regione" [Buddhism and political situation in the region], in *Obshchestvo, buddizm i sotsial'no-politicheskie protsessy v Rossii i Mongolii*, pp. 197–204. Ulan-Ude, Izdatel′stvo Buriatskogo gosuniversiteta.

Zhamsueva, D.S. (2008) "Pravovoi status buddiiskoĭ konfessii buriat v sisteme rossiiskoi gosudarstvennosti" [Legal status of Buryat Buddhist confession in Russian state system], *Vlast'* 11: pp. 63–65.

Galdanova, G.R., Gerasimova, K.M., Dashiev, D.B. et al. (1983) *Lamaizm v Buriatii XVIII — nachala XX veka. Struktura i sotsial'naia rol' kul'tovoi sistemy* [Lamaism in Buryatia in XVIIIth — the beginning of XXth. Structure and social role of cult system]. Novosibirsk: Nauka

Lebedev, S.D. (2007) "Religioznyi renessans kak sotsial′naia real′nost′: k demifologizatsii poniatiia" [Religious Renaissance as Social reality: to the demythologization of the concept], *Sotsiologicheskii zhurnal* 2: 24–36

Makhachkeev, A.V. (2014) *250 let institutu Pandito Khambo-lam* [The 250th Anniversary of the Institute of Pandito Khambo-Lamas]. Ulan-Ude: NovaPrint.

Makhachkeev, A. (2012) *Portret ierarkha. XXIV Pandito Khambo-lama D. Aiusheev* [The portrait of the Hierarch. XXIV Pandito Khambo-lama D. Ayusheev]. Ulan-Ude: Nova Print.

Budaeva, Ts.B. (ed.) (2013) *Mezhnatsional'nye, religioznye, etnopsikhologicheskie realii Buriatii i voprosy grazhdanskoi aktivnosti naseleniia* [Interethnic, religious, ethnopsycological realities of Buryatia and wuestions of civil activity of populatuon]. Ulan-Ude: Izdatel′stvo Buriatskogo gosuniversiteta.

Osnovy veroucheniia. V pomoshch' kazhdomu, kto khochet znat' o buddizme [Basics of the Creed. To help everybody who wants to know about Buddhism] (2007). Ulan-Ude: Buddiiskaia traditsionnaia sangkha Rossii.

Ostrovskaya, Ye. (2009) "Rossiyskii buddizm v oprave grazhdanskogo obshchestva" [Russian Buddhism in the frame of civil society], in A. Malashenko, S. Filatova (eds.) *Dvadtsat' let religioznoy svobody v Rossii*. M.: Rossiyskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN).

Sablin, I. (2018) "Official Buddhism in Russia's Politics and Education Religion, Indigeneity, and Patriotism in Buryatia", *Entangled Religion* 5: 210–249.

Sakral'nye mesta Vostochnoi Sibiri. K 250-letiiu instituta Pandito Xambo-lam Rossii [Sacral sites of the Eastern Siberia. To the 250th Anniversary of the Institute of Pandito Khambo-Lamas] (2014). Ulan-Ude: Baikal-Geo.

Traditsionnyi buddizm Rossii. K 250-letiiu instituta Pandito Khambo-lam Rossii [The Traditional Buddhism of Russia. To the 250th Anniversary of the Institute of Pandito Khambo-Lamas] (2014). Ulan-Ude: Baikal-Geo.

Trepavlov, V. (2017) "Russkiy tsar' v nekhristianskikh kul'takh Rossiyskoy imperii" [The Russian Tsar in Non-Christian Religions of the Russian Empire], *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 2: 222–240.